

Страница из дневника (самое начало):

Я родилась в один год с Чарли Чаплином, «Крейцеровой сонатой» Толстого и Эйфелевой башней. 11 июня 1889 года под Одессой (Большой Фонтан). Мой отец был в то время отставной инженер-механик флота.

Годовалым ребенком я была перевезена на север – в Царское Село. Там я прожила до шестнадцати лет.

Мои первые воспоминания – царскосельские: зеленое, сырое великолепие парков, выгон, куда меня водила няня, ипподром, где скакали маленькие пестрые лошадки, старый вокзал и нечто другое, что вошло впоследствии в "Царскосельскую оду".

Каждое лето я проводила под Севастополем, на берегу Стрелецкой бухты, и там подружилась с морем. Самое сильное впечатление этих лет – древний Херсонес, около которого мы жили.

Я получила прозвище «дикая девочка», потому что ходила босиком, бродила без шляпы и т.д., бросалась с лодки в открытое море, купалась во время шторма, и загорала до того, что сходила кожа, и всем этим шокировала провинциальных севастопольских барышень

Читать я училась по азбуке Льва Толстого. В пять лет, слушая, как учительница занималась со старшими детьми, я тоже начала говорить по-французски.

Первое стихотворение я написала, когда мне было одиннадцать лет. Стихи начались для меня не с Пушкина и Лермонтова, а с Державина ("На рождение порфиородного отрока") и Некрасова ("Мороз, Красный нос"). Эти вещи знала наизусть моя мама.

В семье никто, сколько глаз видит кругом, стихи не писал, только первая русская поэтесса Анна Бунина была тёткой моего деда Эразма Ивановича Стогова...

Училась я в Царскосельской женской гимназии. Сначала плохо, потом гораздо лучше, но всегда неохотно.

В 1905 году мои родители расстались, и мама с детьми уехала на юг. Мы целый год прожили в Евпатории, где я дома проходила курс предпоследнего класса гимназии, тосковала по Царскому Селу и писала великое множество беспомощных стихов. Отзвуки революции Пятого года глухо доходили до отрезанной от мира Евпатории. Последний класс проходила в Киеве, в Фундуклеевской гимназии, которую и окончила в 1907 году.

Мать и отец неустанно возмущались моими стихами, просили "не позорить имени", поэтому совсем скоро свои произведения я начала подписывать "Анна Г.", а затем ко мне пришло мое настоящее литературное имя – Анна Ахматова.

Назвали меня Анной в честь бабушки Анны Егоровны Мотовиловой. Ее мать была чингизидкой, татарской княжной Ахматовой, чью фамилию, не сообразив, что собираюсь быть русским поэтом, я сделала своим литературным именем.

Я поступила на Юридический факультет Высших женских курсов в Киеве. Пока приходилось изучать историю права и особенно латынь, я была довольна; когда же пошли чисто юридические предметы, я к курсам охладела.

Благодаря знакомству моему с Николаем Гумилевым, вышло в свет мое стихотворение "На руке его много блестящих колец...", впервые с ним я попала в "Бродячую собаку", так начался мой долгий и нелегкий жизненный путь поэта.

*Я лилий нарвала прекрасных и душистых,
Стыдливо-замкнутых, как дев невинных рой,
С их лепестков, дрожащих и росистых,
Пила я аромат и счастье и покой.
И сердце трепетно сжималось, как от боли,
А бледные цветы качали головой,*

И вновь мечтала я о той далекой воле,
О той стране, где я была с тобой...
1904 г. (Анне 15 лет)

ВЕЧЕР СИМВОЛИСТОВ

Должна находиться в компании Гумилева и Мандельштама, может общаться с Блоком.

1. Гумилёв: ухаживания, замужество

Ввод

Мы познакомились накануне Нового года в Царском Селе, где оба посещали гимназию. Николаю Гумилёву было 17 лет. Болезненный юноша, да еще и под впечатлением своего любимого Оскара Уайлда подводил глаза и губы, подкручивал волосы и носил цилиндр. Я в 14 же не имела ничего общего с будущей мной, поэтессой Анной Ахматовой. Но, несмотря на мою взбалмошность, которая пугала высшее общество, я, со светлыми глазами и бледной кожей, знающая Бодлера в оригинале, казалась Николаю Гумилёву настоящей лирической героиней.

Гумилёв, витающий в своих романтических мечтах, ничуть не интересовал меня, а вот он влюбился с первого взгляда. Учились мы вместе, поэтому к огромному счастью поэта продолжали видеться часто. Я позволяла ему с собой общаться, видя в ухаживаниях Гумилёва лишь потребность его, как поэта, восхищаться прекрасной дамой.

Но для 17-летнего Николая Гумилёва это было больше, чем увлечение.

В ремешках пенал и книги были,
Возвращалась я домой из школы.
Эти липы, верно, не забыли
Нашей встречи, мальчик мой веселый?
Только, ставши лебедем надменным,
Изменился серый лебеденок.
А на жизнь мою лучом нетленным
Грусть легла, и голос мой незвонок.

СОБЫТИЕ ВЫБОР

Дети: Вера Срезневская (одна из самых близких друзей Ахматовой со времен гимназии), Олег/Ольга Громовой, Юлия Тарнова (выдумала, так что на них все равно, зовите как угодно)

1. Анна Горенко (и очень важно пока не называть ее Ахматовой) зачитывает стихотворение и просит угадать, о ком она его написала:

Над черною бездной с тобою я шла,
Мерцающая зарницы сверкали.
В тот вечер я клад неоценный нашла
В загадочно-трепетной дали.
И песня любви нашей чистой была,

Прозрачнее лунного света,
А черная бездна, проснувшись, ждала
В молчании страсти обета.
Ты нежно-тревожно меня целовал,
Сверкающей грезой полный,
Над бездною ветер, шумя, завывал...
И крест над могилой забытой стоял,
Белея, как призрак безмолвный.

Анна признается друзьям в давних чувствах к поэту Александру Федорову, «...**Летом Фёдоров опять целовал меня, клялся, что любит, и от него опять пахло обедом**». Рассказывает, что пусть ему и 36 (а ей 15), все дело не в этом. Он никак не останется с ней, а все пудрит ей мозги. Надо написать ему письмо?

1) да/нет

2) пишем письмо Федорову или с признаниями, или чтоб он ушел уже навсегда

2. К Анне приезжает Николай Гумилев, его дети представляют его Анне. Он начинает ухаживать, Анна все время советуется с детьми, как ей реагировать, что ей делать, ведь она влюблена в своего репетитора Владимира Голенищева-Кутузова, пусть и безответно. Анна вспоминает, что слышала, что Николай ужасно не любит немецкую речь. Предлагает детям над ним подшутить.

Ich will nicht mehr der Lüfte Zug,
Nicht mehr der Wellen Rauschen,
Ich will nicht mehr der Vögel Flug
Und ihrem Liede lauschen.

Ich will hinaus, ich will zu dir,
Ich will es selbst dir sagen:
Du bist mein Frühling, du nur mir,
In diesen lichten Tagen.

Ихь виль нихьт мэр дер люфге цук,
Нихьт мэр дэр вэлен раушэн,
Ихь виль нихьт мэр дэр фо? гэль флюк
Унт ирэм лиде лаушен.
Ихь виль хинаус, ихь виль цу дир
Ихь виль эс зэльпст дир загэн
Ду бист майн фрюлиНГ (?), ду нур мир
Ин дизэн лихьтэн тагэн.

Гумилев делает Анне предложение, Анна не любит его и говорит об этом с детьми, они принимают решение согласиться или отказаться

- 1) Если дети решают, что да, то Анна грустно соглашается, Гумилев это замечает и говорит, что такое согласие ему не нужно, он уедет как можно дальше, чтобы о ней забыть.
- 2) Если отказывают, Гумилев просто расстроено уезжает

3. Анна получает от матери письмо, что они едут в Севастополь. Дети пакут с Анной вещи в чемодан, они приезжают, она читает им свое новое стихотворение:

Где-то кошки жалобно мяукают,
Звук шагов я издали ловлю...
Хорошо твои слова баюкают:
Третий месяц я от них не сплю.
Ты опять, опять со мной, бессонница!
Неподвижный лик твой узнаю.
Что, красавица, что, беззаконница,
Разве плохо я тебе пою?
Окна тканью белую завешены,
Полумрак струится голубой...
Или дальней вестью мы утешены?
Отчего мне так легко с тобой?

Анна делится мыслями, что не знает, скучает она по ушедшим временам или по Гумилеву. Дети решают, писать или не писать письмо.

- 1) Если писать, то Анна быстро пишет об одиночестве и дети его доставляют! Гумилев читает письмо, дети помогают поэту принять решение и подготовиться к встрече.
- 2) Если нет, то Гумилев приезжает сам, признается, что всегда ее любил и не переставал любить никогда. Анна до сих пор не понимает. Гумилев читает ей стихи:

На русалке горит ожерелье
И рубины греховно-красны,
Это странно-печальные сны
Мирового, больного похмелья.
На русалке горит ожерелье
И рубины греховно-красны.
У русалки мерцающий взгляд,
Умирающий взгляд полуночи,
Он блестит, то длинней, то короче,

Когда ветры морские кричат,
У русалки чарующий взгляд,
У русалки печальные очи.
Я люблю ее, деву-ундину,
Озаренную ночью глухой
Я люблю ее взгляд заревой
И горящие негой рубины...
Потому что я сам из пучины,
Из бездонной пучины морской.

Гумилев говорит, что ее отказ приведет к его самоубийству.

Анна вспыливает, что он ей угрожает и манипулирует, а этого она не потерпит. Анна хочет прогнать Гумилева:

- 1) Если дети убедили ее это сделать, то Гумилев выходит, пока он решает со своими детьми суицидальные свои штуки (+ собирается вернуться еще раз), Анна в страданиях признается, что все годы писала Гумилеву стихи, но они так плохи, что никогда их не покажет. Гумилев снова возвращается и последний раз делает ей предложение. Анна соглашается. Поцелуй любовь драма.
- 2) Если дети убедили ее не выгонять его, то Гумилев предпринимает последнюю попытку. Анна признается, что пишет ему стихи с 13 лет. Поцелуй радость любовь.

ВЫВОД

25 апреля 1910 года состоялась скромная церемония в Николаевской церкви села Никольская слободка. В качестве свадебного подарка Николай Гумилёв написал мне «Балладу»:

Тебе, подруга, эту песнь отдам,
Я веровал всегда твоим стопам,
Когда вела ты, нежа и карая,
Ты знала всё, ты знала, что и нам
Блеснёт сиянье розового рая.

Родственники мои считали брак заведомо обреченным на неудачу, и никто из них не пришел на венчание, что глубоко оскорбило меня.

Он подарил мне на Рождество в первый год особый подарок, купил у Александра на Невском большую коробку, обтянутую материей в цветы, и наполнил ее доверху, положил шесть пар шелковых чулок, флакон духов „Коти“, два фунта шоколада Крафта, черепаховый гребень с шишками — знал, что я о нем давно мечтаю — и томик „Les amours jaunes“ Тристана Корбьера. Как я обрадовалась! Я прыгала по комнате от радости.

2. Свадебное путешествие в Италию и Модильяни, публикация “Вечера”, рождение сына, отъезд Гумилева в Африку, развод

ВВОД

В 1910 году вместе с Николаем мы отправились в наше свадебное путешествие в Париж, а их Парижа должны были поехать в Италию. Эта поездка стала для нас не просто трехмесячным отпуском, но и показала мне совсем другой мир, познакомила меня с людьми, ставшими навсегда частью моего сердца.

Мне с тобою пьяным весело —
Смысла нет в твоих рассказах.

Осень ранняя развесила
Флаги желтые на вязах.

Оба мы в страну обманную
Забрели и горько каемся,
Но зачем улыбкой странною
И застывшей улыбаемся?

Мы хотели муки жалящей
Вместо счастья безмятежного...

Не покину я товарища
И беспутного и нежного.

В Париже мы поселились на rue Bonaparte, 10. Ходили по музеям, посетили средневековое аббатство Клюни, Зоологический сад, сживали в любимых Гумилевым кафе Латинского квартала, были в ночных кабаре. В одном из кафе я обратила внимание на удивительно красивого и забавно одетого мужчину. Им оказался великий художник, Амадео Модильяни, после знакомства неустанно писавший мне письма. Он пригласил меня в свою студию.

СОБЫТИЕ МИР/СЛОВЕСКА

Дети - молодые французские и итальянские художники, Ахматова им позирует, среди детей есть организатор, постоянно ведущий с ними диалог о творчестве Ахматовой (почему она еще неизвестна), а ее браке, о связи с Модильяни (что о ней он отзывается особо). Дети и орг рисуют Ахматову. Через 4-5 минут подходит организатор и передает, что “Так вас видит Амадео”. Ахматова восхищается работой.

(Завязываем глаза, слушаем текст, начинаем словеску)

Амадео написал еще бесчисленное множество моих портретов, но этот так и остался любимым, я возила его с собой всюду.

В синеватом Париж тумане,

И наверно, опять Модильяни

Незаметно бродит за мной.

У него печальное свойство

Даже в сон мой вносить расстройство

И быть многих бедствий виной.

Но он мне — своей Египтянке...

Что играет старик на шарманке?

А под ней весь парижский гул.

Словно гул подземного моря, —

Этот тоже довольно горя

И стыда и лиха хлебнул.

Николай же в последнее время был хмур и молчалив, куда-то девалась вся его любовь и запал. Я старалась его не злить и не огорчать. Вечерами тихо писала стихи. Через неделю

мы должны были ехать в Рим и в Венецию. Каждый день мое самочувствие ухудшалось, у меня постоянно болела голова, наступала тошнота, я ничего не могла есть, особенно тяжело было утром. Я не могла решить, рассказывать ли это Николаю... Что делать?

1) Дети решают рассказать

Он сидел в кабинете и что-то писал в блокнот, я подошла и **положила руку ему на плечо**: “Коля, я должна сказать тебе кое-что. Я в последнее время чувствую себя неважно: тошнит, аппетита нет, все тело ломит”. Николай поглядел на меня изумленно. В ночи мы поехали в больницу.

Врач по приезде долго расспрашивал меня о самочувствии, **мерил температуру, смотрел горло, щупал, брал какие-то анализы, заставляли пить таблетки и микстуры**.

В конце концов он подошел к нам с Николаем и сказал “Анна, вы беременны”.

2) Дети решают не рассказывать

Я решила его не тревожить. Помявшись около его кабинета, где он что-то писал, склонившись над столом, я тихо ушла в спальню. Кое-как уснув, ночью я вскочила **от резкой боли** и тошноты. Николай крепко спал. Я сбежала вниз по лестнице, взяла первого извозчика и доехала до госпиталя. Выходя, я чиркнула записку Николаю, куда уехала.

Врач по приезде долго расспрашивал меня о самочувствии, **мерил температуру, смотрел горло, щупал, брал какие-то анализы, заставляли пить таблетки и микстуры**.

Я сидела в приемной и ждала, когда почувствовала **прикосновение чьих-то рук к плечам**.

Николай смотрел на меня с немым упреком, видимо, осуждал, что ничего не сказала ему.

Вышел доктор и сказал нам фразу, изменившую мою жизнь: “Анна, вы беременны”.

Николай был счастлив и взволнован, а я не могла найти слов. Вернувшись в дом, я весь вечер писала.

Я научилась просто, мудро жить,
Смотреть на небо и молиться Богу,
И долго перед вечером бродить,
Чтоб утомить ненужную тревогу.
Когда шуршат в овраге лопухи
И никнет гроздь рябины желто-красной,
Слагаю я веселые стихи
О жизни тленной, тленной и прекрасной.
Я возвращаюсь. Лижет мне ладонь
Пушистый кот, мурлыкает умильной,
И яркий загорается огонь
На башенке озерной лесопильни.
Лишь изредка прорезывает тишь
Крик аиста, слетевшего на крышу.
И если в дверь мою ты постучишь,
Мне кажется, я даже не услышу.

Недели шли, беременность протекала тяжело, словно болезнь. По ночам я просыпалась в **холодном поту**, казалось, что все это медленно меня убивает.

Одним утром Николай подошел и сказал, что нужно выдвигаться в Рим. Он сказал, что я могу поехать с ним, или же он поедет один, билеты уже были куплены, заядлый путешественник Гумилев не хотел их терять. Поэтому даже не предлагал мне вариант, где он остается со мной. Нужно было что-то решить и ответить ему.

1) Решают не ехать с ним

“Что ж, Анечка, это твой выбор. Я отправлюсь завтра утром, тебя же попрошу поехать к моей семье, там ты и наш ребенок будете в сохранности”. Он говорил как-то отрешенно, холодно. Меня как будто облили водой. До последнего я надеялась, что он никуда не уедет, не оставит меня одну в положении, но этого не произошло. Он уехал сначала в Италию, затем в Африку, я не видела его ужасно долго.

2) Решают поехать с ним

Следующим утром мы отправились в Рим. Моя поездка оказалась еще труднее, чем представлялась ранее, я чувствовала себя одиноко, Николай же вечно был занят, вечно в делах. Предоставленная сама себе, я изнывала от зноя и жары. Видя мои мучения, Коля отправил меня обратно, в Слеспнёво, к своей семье. Но за мной он не поспешил, после Италии уехал в Африку.

Сегодня мне письма не принесли:

Забыл он написать или уехал;

Весна как трель серебряного смеха,

Качаются в заливе корабли.

Сегодня мне письма не принесли...

Он был со мной еще совсем недавно,

Такой влюбленный, ласковый и мой,

Но это было белою зимой,

Теперь весна, и грусть весны отравна,

Он был со мной еще совсем недавно...

Я слышу: легкий трепетный смычок,

Как от предсмертной боли, бьется, бьется,

И страшно мне, что сердце разорвется,

Не допишу я этих нежных строк...

Он вернулся только к октябрю, когда родился наш сын Лев. Тогда я точно увидела, что он все еще меня любит, так взволнован он был и счастлив.

Загорелись иглы венчика

Вкруг безоблачного лба.

Ах! улыбочивого птенчика

Подарила мне судьба

Все время с самого начала нашего брака я не переставала писать, стихов этих накопилось великое множество, хватало на несколько сборников. Николай же мои стихи слышал еще в юности. Вначале я действительно писала очень беспомощные стихи, что Николай Степанович и не думал от меня скрывать. Он действительно советовал мне заняться каким-нибудь другим видом искусства, например, танцами (говорил: "ты такая гибкая".) Что Николай не любил мои ранние стихи - это правда. Да и за что их можно было любить! Когда он был в Африке, я показывала разным нашим друзьям свои стихотворения и получала восторженные отзывы, а ему никак не решалась. Случай выдался, когда он вернулся из Аддис-Абебы. Красивый, загорелый, только зашедший в гостиную с чемоданом, он сидел на диване. Я мялась в дверях и не могла решиться с ним заговорить. Не знала, что же мне делать.

1) Решают показать

Я под села к нему и аккуратно передала стопку листов. Он удивленно посмотрел и спросил: "Ты написала это пока меня не было?". "Да, и даже немного раньше". Он прочитал всего пару страниц и вздохнул. Мне казалось, сейчас он выскажет что-то неодобрительно-колкое, но он сразу сказал: "Ты - поэт, надо делать книгу".

2) Решают не показывать

Сил показать свои строки мне не хватило, я оставила записи на столике, а сама подседа к нему, говорили о его произведениях, о путешествии, о друзьях и вестях. Под утро я отправилась спать. Проснувшись, я вышла в гостиную, Николай Степанович сидел спиной ко мне на кресле и перебирал страницы. Я ужаснулась, узнав в них свои стихотворения. Он услышал мои шаги, обернулся и сказал: "Ты - поэт, надо делать книгу"
Так появился мой сборник "Вечер", так я стала частью "Цэха поэтов", так он привел меня в "Бродячую собаку" на мое первое выступление.

ВЫВОД

В 1914 году Николай ушел добровольцем на войну, оставив меня вновь одну, а после войны уехал в Париж. Все его поездки в Италию, Африку, Францию, бесконечные путешествия истощали нас. Ему становилось все труднее мириться с тем, какую я обрела популярность. Когда он вернулся, все было уже predetermined, нам было пора освободить друг друга от этого бремени. Мы развелись, и я вышла замуж за Владимира Шилейко. Наш брак продлился 8 лет, но мы никогда не теряли друг друга. И до последних дней я остаюсь "вдовой Гумилева".

*И когда друг друга проклинали
В страсти, раскаленной добела,
Оба мы еще не понимали,
Как земля для двух людей мала,
И что память яростная мучит,
Пытка сильных – огненный недуг!
И в ночи бездонной сердце учит
Спрашивать: о, где ушедший друг?
А когда, сквозь волны филмиама,
Хор гремит, ликуя и грозя,
Смотрят в душу строго и упрямо
Те же неизбежные глаза.*

ВЕЧЕР АКМЕИСТОВ

Видимо, выступает. Несмотря на развод, держится с теми же.
Так беспомощно грудь холодела,
Но шаги мои были легки.
Я на правую руку надела
Перчатку с левой руки.
Показалось, что много ступеней,
А я знала – их только три!
Между клёнов шёпот осенний
Попросил: «Со мною умри!
Я обманут моей унылой,
Переменчивой, злой судьбой».
Я ответила: «Милый, милый!
И я тоже. Умру с тобой...»
Это песня последней встречи.
Я взглянула на тёмный дом.
Только в спальне горели свечи
Равнодушно-жёлтым огнём.

3. Революция и расстрел Гумилева, запрет печати

ВВОД

В марте 1914 года вышла вторая книга – "Четки". Жизни ей было отпущено примерно шесть недель. В начале мая петербургский сезон начинал замирать, все понемногу разъезжались. На этот раз расставание с Петербургом оказалось вечным. Мы вернулись не в Петербург, а в

Петроград, из XIX века сразу попали в XX, все стало иным, начиная с облика города. Казалось, маленькая книга любовной лирики начинающего автора должна была потонуть в мировых событиях. Бремя распорядилось иначе.

Каждое лето я проводила в бывшей Тверской губернии, в пятнадцати верстах от Бежецка. Это неживописное место: распаханное ровными квадратами на холмистой местности поля, мельницы, трясины, осушенные болота, "воротца", хлеба, хлеба... Там я написала очень многие стихи "Четок" и "Белой стаи". "Белая стая" вышла в сентябре 1917 года.

К этой книге читатели и критика несправедливы. Почему-то считается, что она имела меньше успех, чем "Четки". Этот сборник появился при еще более грозных обстоятельствах. Транспорт замирал – книгу нельзя было послать даже в Москву, она вся разошлась в Петрограде. Журналы закрывались, газеты тоже. Поэтому в отличие от "Четок" у "Белой стаи" не было шумной прессы. Голод и разруха росли с каждым днем. Как ни странно, ныне все эти обстоятельства не учитываются.

Ужасом этого времени стала для нас Октябрьская революция, унесшая жизни близких и дорогих мне людей, заставившая многих покинуть Родину.

Мне голос был. Он звал утешно,

Он говорил: «Иди сюда,

Оставь свой край глухой и грешный,

Оставь Россию навсегда.

Я кровь от рук твоих отмою,

Из сердца выну чёрный стыд,

Я новым именем покрою

Боль поражений и обид».

Но равнодушно и спокойно

Руками я замкнула слух,

Чтоб этой речью недостойной

Не осквернялся скорбный дух.

СОБЫТИЕ МИР

Дети: Наталья Рыкова (подруга Ахматовой в Вятке), Виктор Иванович Рыков (ее отец), Вера Срезневская (подруга времен Царского Села), Лидия Чуковская (подруга-поэтесса), Фаина Раневская (организатор, актриса)

1917 год. Мы сидим в небольшой комнате в квартире и пьем чай, читаем новости из газет.

В дверь стучат, заходит Фаина Раневская.

АА: Фаечка, заходите, я сейчас всех вам представлю. Это Наталья Викторовна руковская и ее отец, Виктор Иванович, помещики из Вятки, помните, я часто там бываю, невероятные организаторы. Это Вера Свезневская, моя подруга еще времен Гимназии, с Лидой Чуковской вы, верно, знакомы, не последняя ныне поэтесса и мемуаристка. Друзья, это Фаина Раневская, великая актриса.

Ф (тут мы немного переврем события и расскажем то, что было после): Да ну, никакая не великая. Сейчас шла сюда и мальчишки мне опять фразу из "Подкидыша" кричали. "Муля, не нервируй меня!", как заладили. Понимаю, сейчас мелочь, но ужасно обидно.

АА: Вера, разлей нам чаю, там еще в шкафчике лежал хлеб, сколько осталось, подай. Не переживайте, у каждого своя "Муля", моя вот "Сжала руки под темной вуалью", куда не приди, везде одного просят.

Ф: Может и мы просим?

Если дети хотят послушать, читает.

Сжала руки под тёмной вуалью...

«Отчего ты сегодня бледна?»

— Оттого, что я терпкой печалью

Напоила его допьяна.

Как забуду? Он вышел, шатаясь,

Искривился мучительно рот...

Я сбежала, перил не касаясь,

Я бежала за ним до ворот.

Задыхаясь, я крикнула: «Шутка

Всё, что было. Уйдешь, я умру.»

Улыбнулся спокойно и жутко

И сказал мне: «Не стой на ветру».

Если нет, то говорит АА: Лучше послушайте, Наташа, Виктор Иванович, я написала недавно.

Всё расхищено, предано, продано,

Черной смерти мелькало крыло,

Все голодной тоскою изглодано,

Отчего же нам стало светло?

Днем дыханьями веет вишневыми

Небывальчьи под городом лес,

Ночью блещет созвездьями новыми

Глубь прозрачных июльских небес,-

И так близко подходит чудесное

К развалившимся грязным домам...

Никому, никому неизвестное,

Но от века желанное нам.

Спасибо вам, что помогаете. Что могу от вас увезти мешок угля или овощей. Вы знаете,

будет у меня что, я все отдам.

Ф: Анна Андреевна, вам стоит быть аккуратнее. Так послушает кто первые строки, и заберут вас, или уехать придется. Цветаева, Ходасевич, Ремизов уже уехали... Может и вам?

Дети с оргом убеждают Ахматову уехать, на что она решительно отказывается.

И мы забыли навсегда,

Заключены в столице дикой,

Озёра, степи, города

И зóри родины великой.

В кругу кровавом день и ночь

Болит жестокая истома...

Никто нам не хотел помочь

За то, что мы остались дома,

За то, что, город свой любя,

А не крылатую свободу,

Мы сохранили для себя

Его дворцы, огонь и воду.

Иная близится пора,

Уж ветер смерти сердце студит,

Но нам священный град Петра

Невольным памятником будет.

Ф: Анна Андреевна, вы видели, что в газете пишут? «В нашей сегодняшней поэзии есть два полюса, два направления. Одно ... нашло свое наилучшее выражение в поэзии Ахматовой. Другое - то ... которое ныне возглавляется Маяковским».

Начинается обсуждение Маяковского, говорим о нем с детьми и о противопоставлении с ним.

Слышен стук в дверь, Фаина идет открывать, возвращается бледная с телеграммой.

АА: Что там? Лицо у тебя мертвенно бледное.

Ф: «Сегодня, 3 августа 1921 года Николай Степанович Гумилёв был арестован по обвинению в участии в заговоре «Петроградской боевой организации В. Н. Таганцева».

АА: Что? Глупости какие-то. Он только вчера сидел у Ходасевича и говорил, что так здоров, что до 90 лет доживет...

Ф: Вот, посмотрите сами.

АА: Не бывать тебе в живых,

Со снегу не встать.

Двадцать восемь штыковых,

Огнестрельных пять.

Горькую обновушку

Другу шла я.

Любит, любит кровушку

Русская земля.

Ф: Анна Андреевна, ну что вы говорите такое! Еще ничего не предрешено!

Дети успокаивают Ахматову, что Гумилев еще не умер и все будет обязательно в порядке.

АА: Я даже не знаю, что могу сделать.

Надо прийти к написанию письма.

АА: Хорошо, сегодня же отправлюсь к Лозинскому, может, через Союз Писателей что-то выйдет сделать. Спасибо вам, пора уже.

ВЫВОД

Письмо было написано, но не помогло.

Чугунная ограда,

Сосновая кровать.

Как сладко, что не надо

Мне больше ревновать.

Постель мне стелют эту

С рыданьем и мольбой;

Теперь гуляй по свету

Где хочешь. Бог с тобой!

Теперь твой слух не ранит

Неистовая речь,

Теперь никто не станет

Свечу до утра жечь.

Добились мы покою

И непорочных дней...

Ты плачешь – я не стою

Одной слезы твоей.

Написано 27 августа 1921 года. Как мы узнали из постановления, вышедшего 1 сентября,

Гумилева уже два дня как нету в живых, но об этом никто еще не знал, а вещему сердцу уже было все ведомо.

Многочисленные мои стихи показались кому-то, по-видимому, неоднозначными, печатать меня перестали надолго. Говорили, что за мной даже установлена слежка.

Что ты бродишь неприкаянный,

Что глядишь ты не дыша?

Верно, понял: крепко спаяна

На двоих одна душа.

Будешь, будешь мной утешенным,

Как не снилось никому,

А обидишь словом бешеным –

Станет больно самому.

4. Слежка НКВД (Софья Островская), Лев Гумилев и “Слава Миру”

ВВОД

Перед этим горем гнутся горы,
Не течет великая река,
Но крепки тюремные затворы,
А за ними «каторжные норы»
И смертельная тоска.
Для кого-то веет ветер свежий,
Для кого-то нежится закат —
Мы не знаем, мы повсюду те же,
Слышим лишь ключей постылый скрежет
Да шаги тяжелые солдат.
Подымались как к обедне ранней,
По столице одичалой шли,
Там встречались, мертвых бездыханней,
Солнце ниже, и Нева туманней,
А надежда все поет вдали.
Приговор... И сразу слезы хлынут,
Ото всех уже отделена,
Словно с болью жизнь из сердца вынут,
Словно грубо навзничь опрокинут,
Но идет... Шатается... Одна.
Где теперь невольные подруги
Двух моих осатанелых лет?
Что им чудится в сибирской вьюге,
Что мерещится им в лунном круге?
Им я шлю прощальный мой привет.

К моменту “ежовщины” я уже более 10 лет жила с Николаем Пуниным, его дочерью и моим сыном Львом. 22 октября 1935 года Николай и Лев были арестованы по обвинению в том, что «являлись участниками и вдохновителями контрреволюционной террористической группы студентов». Я не знала, что мне делать, и рванула в Москву, где гостила у Ардовых. Было ужасно страшно, что мое имя все испортит, что сделает им хуже, и так меня все еще не печатали, и тем не менее я связалась с Борей Пастернаком, и через него передала прошение в Кремль. Не знаю, сработало ли это, а может что-то другое, но через неделю их отпустили. А в 38 мы с Николаем уже разошлись.

СОБЫТИЕ ВЫБОР

Дети: Ирина Пунина (дочь Николая), Виктор Ардов (драматург друг), Нина Ольшевская (его жена), Лидия Чуковская (подруга, мемуаристка), Софья Островская (орг, “подруга”, слежка НКВД, на протяжении всего события все время пишет в блокнот что-то).

Начинаю с представления всем всех.

АА: Ира, как там твой отец? Я ничего от него не слышала. После того, как Леву забрали переживаю за всех. Снова был арестован по обвинению “в терроризме и антисоветской деятельности”. В какое время мы живем...

Что-то отвечает девочка

АА: И то хорошо. Я никудашной матерью всю жизнь была, да и буду, но что могу - сделаю. 5 лет, вы себе можете представить? 5 лет в исправительных лагерях! Мне тут кое-что написало недавно. Но и не знаю, читать или нет. Софочка, а что вы все пишете?

С: Да нет-нет, ничего. Вы что-то хотели прочесть? Я в нетерпении, Анна Андреевна!

АА: Вот и не знаю, читать ли мне, но называется “Реквием”, пока не все готово, да и личное

очень.

1) Если дети решают читать, во время прочтения Софья Островская записывает дословно некоторые строки, Анна подмечает это и говорит “Уж не передавайте никому до выхода в свет”.

Это было, когда улыбался
Только мертвый, спокойствию рад.
И ненужным привеском болтался
Возле тюрем своих Ленинград.
И когда, обезумев от муки,
Шли уже осужденных полки,
И короткую песню разлуки
Паровозные пели гудки,
Звезды смерти стояли над нами,
И безвинная корчилась Русь
Под кровавыми сапогами
И под шинами черных марушь.

2) Если дети решают не читать, то сразу переходим к тому, что собираем передачку Льву. Собрав передачку, мы выходим и завязываем глаза.

Переход

В страшные годы ежовщины я провела семнадцать месяцев в тюремных очередях в Ленинграде. Как-то раз кто-то «опознал» меня. Тогда стоящая за мной женщина с голубыми губами, которая, конечно, никогда в жизни не слыхала моего имени, очнулась от свойственного нам всем оцепенения и спросила меня на ухо (там все говорили шепотом):

— А это вы можете описать?

И я сказала:

— Могу.

Тогда что-то вроде улыбки скользнуло по тому, что некогда было ее лицом.

В 1944 Лев вышел из Норильлага и сразу ушел на фронт. Я же была с началом войны перевезена в Ташкент, где выступала в госпиталях, читала стихи раненым солдатам и жадно ловила вести о Ленинграде, о фронте, и вернулась в северную столицу лишь летом 44-го года.

Страшный призрак, притворяющийся моим городом, так поразил меня, что я описала эту мою с ним встречу в прозе... Проза всегда казалась мне и тайной, и соблазном. Я с самого начала все знала про стихи — я никогда ничего не знала о прозе.

Казалось, все страшное уже позади, но мы ошибались. Прошло немного времени с возвращения, как Льва забрали снова. На 10 лет. Без предъявления обвинений.

Семнадцать месяцев кричу,
Зову тебя домой,
Кидалась в ноги палачу,
Ты сын и ужас мой.
Все перепуталось навек,
И мне не разобрать
Теперь, кто зверь, кто человек,
И долго ль казни ждать.
И только пышные цветы,
И звон кафельный, и следы
Куда-то в никуда.

И прямо мне в глаза глядит
И скорой гибелью грозит
Огромная звезда.

Продолжение

АА: Я что-то должна сделать. Ну хоть что-то. Да, я ношу передачи, стою с матерями, сестрами, дочерьми. Но разве этого достаточно?

С: С твоим именем только записка писать. Да и кому?

АА: На имя Сталина.

С: (записывает) О чем? Зачем? Пойду заварю чай.

Когда Софья уходит, Анна обсуждает с детьми, что ей известно, что за ней следят, что каждый шаг ее передают, что она подозревает Софью, но доподлинно не знает ничего, и не знает, надо ли это узнавать, может лучше быть в неведении.

1) Решают узнать. Дети должны выведать у Софьи и заполучить блокнот, идут к ней, пока Анна пишет письмо. Крадут/отвлекают, получают блокнот, в нем повременные записи и цитаты из произведений. Приносят Анне.

2) Решают не узнавать. Вместе пишут письмо на имя Сталина, прикладывают стихотворение:

*Что начал Стокгольм – продолжала Варшава,
И миру звучит неумолчная слава,
Воздвигнуто зданье прочней пирамид.
И с каждой минутой все ярче горит
Тот светоч, зажженный народной волей,
Чтоб не было больше ни страха, ни боли.
Да здравствуют честные люди труда,
Да славится мир! Пусть везде и всегда.
Он узами дружбы скрепляет народы
И сеет прекрасные зерна свободы.*

АА (Софье): Нравятся стихи? Ты опять записываешь.

С: Так я для себя.

АА: Давай я же тебе и запишу. Своей рукой.

С: Да нет, мне так разборчивее и понятнее. Пойду отправлю.

Анна говорит с детьми о произошедшем. Софья возвращается с письмом, где Лев упрекает ее, что она только для поэзии его использует, но ничем не помогает ему. В расстройстве Ахматова уходит.

ВЫВОД

*Тихо льется тихий Дон,
Желтый месяц входит в дом.
Входит в шапке набекрень.
Видит желтый месяц тень.
Эта женщина больна,
Эта женщина одна.
Муж в могиле, сын в тюрьме,
Помолитесь обо мне.*

Я написала Сталину письмо с просьбой освободить сына, которое осталось без ответа, а сразу после министр госбезопасности СССР **В. С. Абакумов** отправил Сталину докладную записку "О необходимости ареста поэтессы Ахматовой". Меня не арестовывали, но это было "предупреждением". Отношения со Львом, даже после выхода его, так и остались

напряженными, сложными, в чем мне его винить невозможно, я действительно до этих лет была плохой матерью. Но в те годы делала все, что могла.

Что до Софьи, такова была эта женщина — одновременно и друг, и злейший недруг. Оборотень. Женщина с двойным дном. Когда-нибудь о Софье Казимировне Островской будет написана книга. Но я не жалею, что мне не придется быть её читателем. С меня довольно и того, чему я была свидетелем.

*Показать бы тебе, насмешнице
И любимице всех друзей,
Царскосельской веселой грешнице,
Что случится с жизнью твоей —
Как трехсотая, с передачей,
Под Крестами будешь стоять
И своею слезой горячею
Новогодний лед прожигать.
Там тюремный тополь качается,
И ни звука — а сколько там
Неповинных жизней кончается...*

5. Мандельштам, исключение из Союза писателей, “Поэма без героя” и смерть.

ВВОД

Я гибель накликала милым,
И гибли один за другим.
О, горе мне! Эти могилы
Предсказаны словом моим...

В те годы мало людей оставалось вокруг меня, мало друзей, многие умерли, многие уехали, многих ждал арест. Я не питала иллюзий никогда, если меня спрашивали, за что арестовали того или иного человека, смело отвечала “У нас арестовывают ни за что”. И “подарков” от власти мне нечего было ждать, и надежд на коммунизм я не возлагала.

В тот день я была дома у Мандельштамов.

Я над ними склонюсь как над чашей,
В них заветных заметок не счесть —
Окровавленной юности нашей
Это черная нежная весть.

Тем же воздухом, так же над бездной
Я дышала когда-то в ночи,
В той ночи и пустой и железной,
Где напрасно зови и кричи.

О, как пряно дыханье гвоздики,
Мне когда-то приснившейся там, —

Это кружатся Эвридики,
Бык Европу везет по волнам.

Это наши проносятся тени
Над Невой, над Невой, над Невой,
Это плещет Нева о ступени,
Это пропуск в бессмертие твой.

Это ключики от квартиры,
О которой теперь ни гугу...

Этот голос таинственной лиры,
На загробном гостящей лугу.

СОБЫТИЕ МИР

Дети: Гости дома Нади и Осипа Мандельштамов (это организатор и поэт сам со своими детьми) + нужны люди из НКВД, двое(?)

АА: Надя, Осип, у меня нехорошее предчувствие, да и мысли дурные, случится что-то.

Осип: Сейчас только дурные мысли и бывают. Аня, хотел отдать тебе свое стихотворение, которое писал, помнишь? Вот, возьми!

*Сохрани мою речь навсегда за привкус несчастья и дыма,
За смолу кругового терпенья, за совестный деготь труда.
Как вода в новгородских колодцах должна быть черна и сладима,
Чтобы в ней к Рождеству отразилась семью плавниками звезда.*

*И за это, отец мой, мой друг и помощник мой грубый,
Я – непризнанный брат, отщепенец в народной семье, –
Обещаю построить такие дремучие срубы,
Чтобы в них татарва опускала князей на бадье.*

*Лишь бы только любили меня эти мерзлые плахи –
Как нацелясь на смерть городки зашибают в саду, –
Я за это всю жизнь прохожу хоть в железной рубахе
И для казни петровской в лесах топорище найду.*

Надя: Осип, с чего ты?

АА: Послушай, если тоже думаешь, что что-то будет, давай хоть что-то увезем? Препрячем? Может ко мне, может куда еще, хотя бы здесь найдем место.

Дети уговаривают Мандельштама спрятать часть рукописей у них дома, увезти к Ахматовой. Собирают книги, рукописи, бумаги. Временами Осип поднимает лист и читает стихотворения:

*Мы живем, под собою не чуя страны,
Наши речи за десять шагов не слышны,
А где хватит на полразговорца,
Там припомнят кремлёвского горца.
Его толстые пальцы, как черви, жирны,
А слова, как пудовые гири, верны,
Тараканьи смеются усища,
И сияют его голенища.*

АА: Об остальном молчу, но эта вещь у тебя “вырублена”, монументально-лубочная. А уж что заложено - не тайна.

Осип: Конечно, это проще всего. Я хочу, чтоб ее пели на улицах!

*А стены проклятые тонки,
И некуда больше бежать –
А я как дурак на гребенке
Обязан кому-то играть...
И вместо ключа Ипокрены
Домашнего страха струя
Ворвется в халтурные стены
Московского злого жилья.*

Надя: Ох, теперь и я, Анна Андреевна, неспокойна.

К концу сборов, дверь резко открывают, Мандельштама арестовывают, чекисты роются в бумагах, откладывают арестованные рукописи.

Дети с Ниной и Ахматовой собирают вещи.

Ч: Зачем вы так много вещей даете с собой, долго не задержим – посидит у нас и отпустим.

Надя: Мы этому не верим уже.

Осип прощается со всеми.

Надя в слезах говорит: “Мы живем, под собою не чуя страны”. Так продолжается и по нынешний день. Мы совершенно не знаем друг друга, разобщены, больны, усталы... Среди нас есть поборники старого — убийцы, искатели мелких удовольствий, сторонники “сильной власти”, которая уничтожает все, что ей мешает. И еще есть огромные, мрачные толпы сонных и неизвестно о чем думающих людей. Что они помнят, что они знают, на что их можно толкнуть? Успеют ли они очнуться или, погрузившись в полную спячку, позволят уничтожить все живые ростки, которые пробились за последние несколько лет?.. Капли, щепки, солдаты или единицы — мы были действительно “разбрызганы и разъяты” и мучительно переживали свою отъединенность, оторванность от себе подобных. Мы вступали только в механические соединения: жильцы коммунальной квартиры, “последний” или “крайний” в очереди, член профсоюза, который существовал для дополнительного надзора и воспитания, единица в штатном расписании...

Успокаиваем Надю. Ахматова уходит, обещая, что они вместе поедут к нему.

Мы приходим к дому Ахматовой и видим письмо

14 августа 1946 года

Постановление Оргбюро ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград»

Секретарь ЦК ВКП(б) Жданов.

Ахматова является типичной представительницей чуждой нашему народу пустой безыдейной поэзии. Её стихотворения, пропитанные духом пессимизма и упадочничества, выражающие вкусы старой салонной поэзии, застывшей на позициях буржуазно-аристократического эстетства и декадентства, «искусство для искусства», не желающей идти в ногу со своим народом, наносят вред делу воспитания нашей молодёжи и не могут быть терпимы в советской литературе

<...> Не то монахиня, не то блудница, а вернее блудница и монахиня, у которой блуд смешан с молитвой. <...> Такова Ахматова с её маленькой, узкой личной жизнью, ничтожными переживаниями и религиозно-мистической эротикой. Ахматовская поэзия совершенно далека от народа. Это — поэзия десяти тысяч верхних старой дворянской России, обречённых <...>

Издать приказ о приостановке производства и распространения: «Стихотворения 1909—1945 гг.» и «Избранные стихи, 1910—1946 гг.»

4 сентября 1946 года исключить А.А. Ахматову и М.М. Зощенко из союза писателей.

Говорим с Ахматовой о том, что теперь делать. Она в переживаниях о Зощенко, так как он верил в светлое. Говорит, что фактически их обрекают на нищету, но это и не так важно. “Значит, я была честным человеком”. Приходим к выводу, что будет заниматься переводами, но точно допишет свою “Поэму без героя”, произведение обо всем, что пережила и видела.

Читает нам отрывок:

Сколько гибелей шло к поэту,
Глупый мальчик: он выбрал эту, —
Первых он не стерпел обид,
Он не знал, на каком пороге
Он стоит и какой дороги
Перед ним откроется вид...
Это я — твоя старая совесть
Разыскала сожженную повесть
И на край подоконника
В доме покойника
Положила —
и на цыпочках ушла...

ФИНАЛЬНЫЙ ВЫВОД

Я всем прощение дарую
И в Воскресение Христа
Меня предавших в лоб целую,
А не предавшего — в уста.

Меня и Зощенко лишили всего, даже хлебных карточек. Спасибо Нине, жене Ардова, что подселила к ним жить. В то время общаться со мной перестали. Было опасно. Некоторые знакомые, стремясь избежать встреч с мной, опальной поэтессой, при моем появлении на улице переходили на противоположную сторону.

И уже подо мною прямо
Леденела и стыла Кама,
И «Quo vadis?» кто-то сказал,
Но не дал шевельнуть устами,
Как тоннелями и мостами
Загрел сумасшедший Урал.
И открылась мне та дорога,
По которой ушло так много,
По которой сына везли,
И был долог путь погребальный
Средь торжественной и хрустальной
Тишины Сибирской Земли.
От того, что сделалась прахом,

.....

Обуянная смертным страхом
И отмищения зная срок,
Опустивши глаза сухие
И ломая руки, Россия
Предо мною шла на восток

Зато вокруг моей литературной фигуры собирались новые таланты, двери моего дома были открыты для них. Например, говорят о моей близкой дружбе с И. Бродским, который с теплом и благодарностью вспоминает меня.

Тяжелая и скорбная жизнь обрушилась на меня. Всю жизнь прожив “вдовой Гумилева”, проводив в тюрьму сына, навсегда испортив с ним отношения, я стала не нужна своей стране, верной которой оставалась для себя долгие годы. Нас поглощала нищета и горе. Лишь в середине 50-ых годов меня снова начали печатать. В 62-ом увидела свет “Поэма без героя”, и я впервые оказалась снова за границей с момента нашего путешествия с Колей в Париж и Италию. Мне вручали диплом почётного доктора Оксфордского университета. Дважды номинировали на нобелевскую премию.

Уже тогда я знала о своем диагнозе, мне ставили стенокардию. В это же время я написала последний свой сборник “Бег времени”.

Забудут?— вот чем удивили!

Меня забывали сто раз,
Сто раз я лежала в могиле,
Где, может быть, я и сейчас.
А Муза и глохла и слепа,
В земле истлевала зерном,
Чтоб после, как Феникс из пепла,
В эфире восстать голубом.

Затем настигали один за другим инфаркты.

5 марта 1966 года в санатории от сердечной недостаточности в возрасте 76 лет умирает великая поэтесса Анна Ахматова.

И странный спутник был мне послан адом,
Гость из невероятной пустоты.

Казалось, под его недвижным взглядом
Замолкли птицы — умерли цветы.

В нем смерть цвела какой-то жизнью черной.
Безумие и мудрость были в нем...